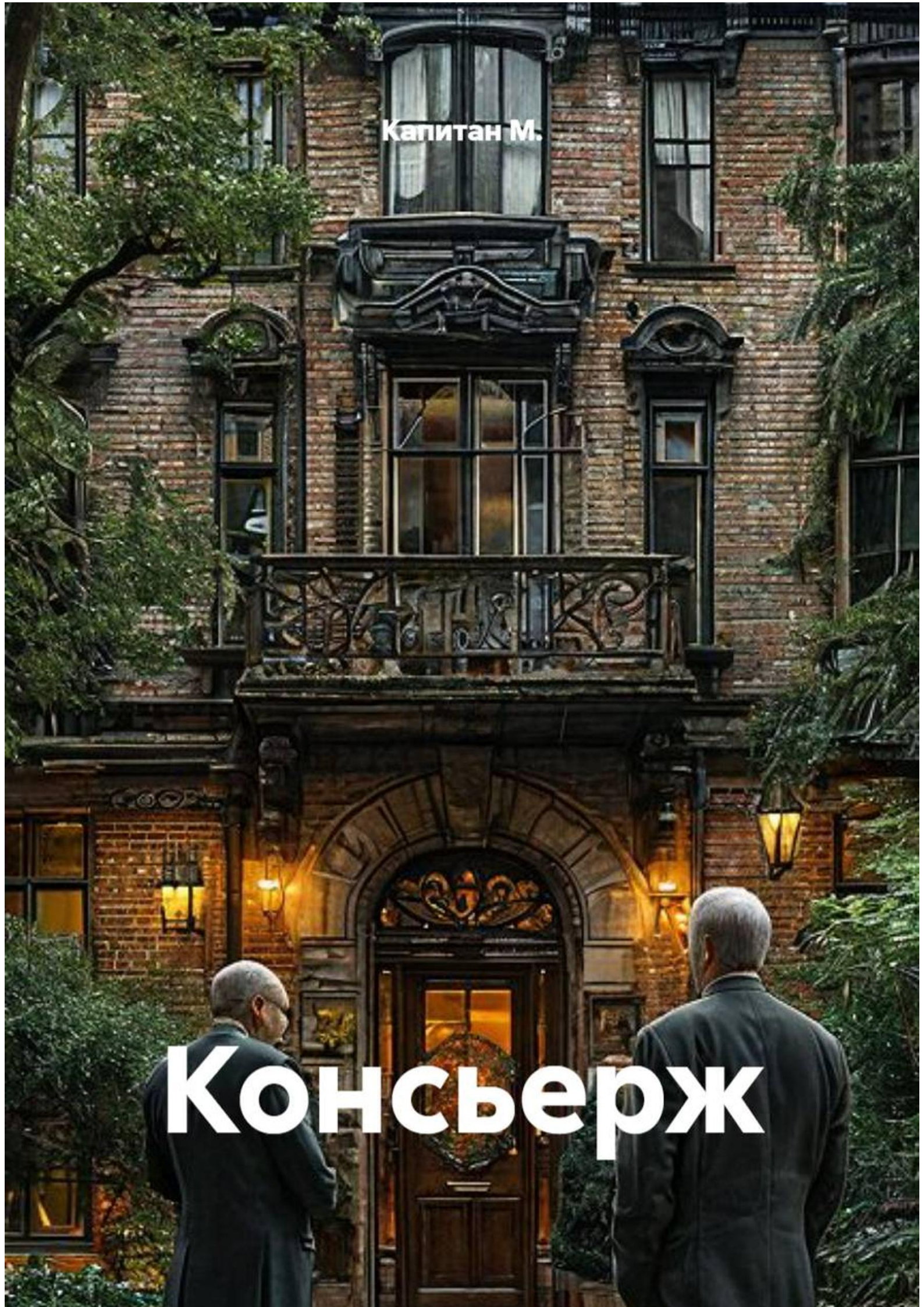

Капитан М.

Консьерж

Капитан М.
Консьерж

«Автор»

2026

М. К.

Консьерж / К. М. — «Автор», 2026

Пожилой консьерж элитного дома знает все секреты жильцов и тайно улучшает их жизни. Но когда в дом въезжает человек, уверенный, что консьерж тридцать лет назад убил его отца, размеренному миру приходит конец. Психологическая дуэль, где правда и ложь переплетены, а ставка — не только репутация, но и душевный покой.

© М. К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Хранитель тишины	5
Глава 2. Квартира тридцать восемь	12
Глава 3. Голос в вентиляции	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Капитан М. Консьерж

Глава 1. Хранитель тишины

Первый удар колокола Сретенского монастыря пробил ровно в шесть утра. Звук был густой, протяжный, словно сама Москва, просыпаясь, делала первый глубокий вдох. В Козицком переулке, укрытом от городского шума старыми липами и толстыми стенами дореволюционной постройки, этот звон был слышен особенно ясно. Он просачивался сквозь приоткрытую фрамугу окна в подвальном помещении, скользил по стенам, оклеенным выцветшими, но всё ещё благородными обоями цвета топлёного молока, и касался лица человека, сидевшего в глубоком кресле с высокой спинкой.

Семён Аркадьевич Гольдин, консьерж дома номер четырнадцать по Козицкому переулку, не спал. Он никогда не спал в этот час. Его день начинался не с будильника, а с первого, ещё робкого, предрассветного шороха города — с шарканья метлы дворника, с гула первой машины, с этого вот колокольного звона. Он сидел в своём кресле, обитом тёмно-зелёным, почти чёрным, бархатом, и слушал. Слушал, как просыпается его дом. Его мир.

Подвал, который он занимал, трудно было назвать каморкой. Это была анфилада из двух комнат с высокими сводчатыми потолками, напоминавшая скорее келью учёного отшельника, чем служебное помещение. Первая комната, куда попадал редкий посетитель, была его кабинетом и постом одновременно. Вдоль стены тянулся старинный, потемневший от времени дубовый стол, на котором в идеальном порядке лежали журналы учёта, стопка газет, перетянутых бечёвкой, старинный латунный колокольчик и тяжёлая, с нефритовым набалдашником, трость. На стене висел ряд мониторов, транслирующих картинку с камер наблюдения — наследие нового времени, к которому Семён Аркадьевич относился с холодным уважением, как к неизбежному, но несовершенному инструменту. Он предпочитал собственные глаза и уши.

Вторая комната была его личной. Там стоял узкий шкаф, наполненный книгами в кожаных переплётах с золотым тиснением, жёсткая кровать, застеленная серым армейским одеялом, и небольшой столик с шахматной доской. На доске была расставлена позиция из знаменитой партии Алехина — Капабланки. Позиция, в которой белые, казалось бы, обречены, но находят единственный, неожиданный ход, переворачивающий всё. Семён Аркадьевич часто смотрел на эту доску. Иногда ему казалось, что вся его жизнь — это бесконечная шахматная партия, где фигурами являются люди, а доской — вверенный ему дом.

Ему было семьдесят четыре года. Но возраст не согнул его спину и не затуманил взгляд. Он был высок, сухопар, с длинными, тонкими пальцами музыканта и лицом, которое трудно было назвать старым. Скорее — высеченным. Скулы, обтянутые пергаментной кожей, глубокие носогубные складки, седые, гладко зачёсанные назад волосы и глаза. Глаза были самым примечательным в его внешности. Небесно-голубые, прозрачные, они смотрели на мир с той отстранённой доброжелательностью, с какой хирург смотрит на пациента, точно зная, где скрыт источник боли.

Он встал. Колени хрустнули — единственная уступка возрасту. Он прошёл в кабинет, поправил и без того безупречный воротничок своей тёмно-серой ливреи с вышитым золотой нитью вензелем дома, и взял со стола тонкие кожаные перчатки. Натянул их на руки медленно, расправляя каждую складку. Этот ритуал был так же важен, как и утренний колокол. Он готовился к выходу в свет. К выходу в свой дом.

В шесть тридцать он уже стоял на тротуаре перед подъездом. Воздух был свеж, напоён ароматом мокрого после ночного дождя асфальта и первых, проклюнувшихся на клумбе,

лилий. Дом номер четырнадцать возвышался над ним — массивное, шестиэтажное здание с эркерами, лепниной и кариатидами, поддерживающими балкон второго этажа. Это был не просто дом. Это был организм. Сложный, капризный, живущий по своим законам, и Семён Аркадьевич был его нервной системой.

Первым, как всегда, появился Константин Викторович Мягков, жилец с третьего этажа, председатель правления какого-то банка. Он вышел из тяжёлых дубовых дверей, стремительный, в дорогом костюме, пахнувший дорогим одеколоном и нетерпением. В руке у него был тонкий кожаный портфель, а в ухе — маленький беспроводной наушник, из которого, вероятно, уже лился поток цифр и команд.

— Доброе утро, Семён Аркадьевич, — бросил он, не останавливаясь и даже не взглянув на консьержа. Его взгляд был прикован к подъезжающему чёрному «Майбаху».

— Доброе утро, Константин Викторович, — произнёс Семён Аркадьевич, слегка наклонив голову.

Он знал о Мягкове всё. Знал, что вчера вечером банкир вернулся домой в одиннадцать сорок три. Знал, что до этого он был не на совещании, а в апартаментах на Пресненской набережной, где его ждала женщина, вдвое младше его жены. Знал, что сегодня утром у него на безымянном пальце левой руки нет обручального кольца. Знал, что его жена, Наталья Андреевна, этой ночью плакала, уткнувшись в подушку, чтобы не разбудить восьмилетнюю дочь. Он знал это не потому, что подслушивал или подглядывал. Он просто... видел. Видел по тому, как Мягков на секунду задержался у двери, прежде чем открыть её своим ключом. По тому, как чуть заметно поморщился, ступив на тротуар. По тому, как на его лацкане, рядом с дорогой булавкой, красовалась микроскопическая ниточка красного шёлка, не имеющая отношения к его серому костюму.

Консьерж не осуждал. Он лишь констатировал факт. И, как опытный механик, прикидывал, какой именно инструмент и когда следует применить, чтобы шестерёнка под названием «семья Мягковых» не вылетела из общего механизма, не разбила хрупкий баланс дома.

Следом из подъезда вышла Анна Сергеевна, дама семидесяти лет, вдова академика, живущая на шестом этаже. Она вела на поводке своего старого, ослепшего на один глаз мопса по кличке Гектор. Анна Сергеевна была одета в элегантный брючный костюм цвета слоновой кости, а её седые волосы были уложены в безупречную причёску.

— Семён Аркадьевич, голубчик, вы не видели мой пакет с «Ведомостями»? — спросила она, щурясь от утреннего солнца. — Этот растяпа почтальон опять, наверное, оставил его у входа.

— Доброе утро, Анна Сергеевна. Ваши газеты у меня. Почтальон, как всегда, перепутал квартиры сорок шесть и сорок восемь. Я забрал пакет к себе, дабы он не попал в чужие руки. Сейчас принесу.

— Ах, оставьте, не бегите! Я погуляю с Гектором и зайду за ними.

— Как вам будет угодно.

Консьерж снова посмотрел на мопса. Пёс был старый, тучный, с мутным левым глазом. Он тяжело дышал, высунув розовый язык. Семён Аркадьевич знал, что Гектор страдает артритом, и что прогулка для него — пытка. Знал и то, что Анна Сергеевна втайне от всех уже дважды возила его в ветеринарную клинику, но так и не решилась на усыпление, потому что это единственное живое существо, оставшееся у неё от мужа. И он знал, что нужно сделать, чтобы облегчить страдания и старушки, и пса. И он это сделает. Позже.

Он оглядел переулок. У мусорных баков, неловко прикрытых зелёным пластиковым щитом, копошился бомж по прозвищу Философ — вечный персонаж этих мест. Семён Аркадьевич знал и его. Знал, что Философ — бывший доцент МГУ, спившийся после смерти жены. Консьерж мог бы прогнать его, но не делал этого. Философ был безвреден и, в каком-то смысле,

даже полезен. Его присутствие создавало контраст, напоминало жильцам о хрупкости их собственного благополучия.

В семь часов пятнадцать минут из дверей выскользнула Лиза Горелова, девушка двадцати четырёх лет, занимавшая вместе с матерью квартиру на втором этаже. Она была бледна, под глазами залегли тени. Семён Аркадьевич знал причину. Этой ночью Лиза не спала, готовясь к экзамену по гражданскому праву в МГУ. Знал, что она в ужасе, потому что не успела выучить и половины билетов. Знал, что она, возможно, провалится. И знал, что этого допустить нельзя.

Он посмотрел ей вслед. Девушка шла быстро, прижимая к груди потрёпанную сумку с конспектами. В её походке была обречённость.

— Лиза, — негромко окликнул он.

Она вздрогнула, обернулась.

— Доброе утро, Семён Аркадьевич.

— Доброе. Возьмите вот это, — он протянул ей маленький бумажный кулёк. — Мятные леденцы. От волнения хорошо помогают. И помните, что знание — это не только заученные параграфы. Это ещё и умение сохранить ясность ума в решающий момент.

Она слабо улыбнулась, взяла кулёк, пробормотала слова благодарности и пошла дальше. Консьерж проводил её взглядом. Он знал, что леденцы не помогут. Поможет то, что он сделает через два часа, когда придёт время. Он вернулся в свой подвал, к мониторам. На одном из них было видно, как у подъезда остановилась серая «Ауди». Из неё вышел мужчина лет сорока пяти в джинсах и лёгкой куртке. Он не был жильцом. Семён Аркадьевич прищурился. Мужчина огляделся, достал телефон, сделал несколько снимков дома. Затем подошёл к двери и стал изучать список жильцов, висевший на стене. Его губы шевелились, словно он запоминал фамилии. Консьерж нажал кнопку на пульте, и камера над дверью приблизила лицо незнакомца. Ничего примечательного. Обычное, волевое лицо. Но во взгляде было что-то, что заставило Семёна Аркадьевича на мгновение задержать дыхание. Он записал номер машины в специальный, потёртый от времени блокнот.

Остальной день прошёл в привычных заботах. Он принял и рассортировал почту, поговорил с сантехником, устранившим засор в квартире на пятом этаже, проверил показания счётчиков, выдал ключи от технического этажа мастеру, приехавшему настраивать оборудование, полил фикус в холле. Всё это было внешней, видимой частью его работы. Внутренняя, невидимая, шла своим чередом.

В десять часов двадцать семь минут он снял трубку внутреннего телефона и набрал номер. Это был обычный городской номер, не мобильный.

— Алло, — ответил женский голос.

— Добрый день, это из благотворительного фонда «Меценат», — произнёс Семён Аркадьевич глуховатым, лишённым интонаций голосом. — Мы проводим акцию для вдов выдающихся деятелей науки. Анна Сергеевна, позвольте поинтересоваться, как давно вы были в Мариинском театре?

— Простите, кто это? — в голосе вдовы звучало недоумение.

— Фонд «Меценат». Нам стало известно, что ваш покойный супруг был завсегдатаем ложи Мариинского. В знак уважения к его памяти мы хотели бы пригласить вас на открытие нового сезона. На ваше имя уже заказан билет в ложу, а также бронь в хорошем отеле на две ночи.

— Это какая-то шутка? — голос Анны Сергеевны дрогнул.

— Нисколько. Курьер прибудет завтра в десять утра. Прошу вас, не отказывайтесь. Вашему Гектору будет полезно провести пару дней в пансионе для животных. Это будет для него, своего рода, санаторий.

Он положил трубку. Первая шестерёнка была смазана. Анна Сергеевна уедет на два дня. Гектор отправится в пансион. Там, под присмотром ветеринара, его усыпят безболезненно и

с соблюдением всех формальностей. К тому моменту, как Анна Сергеевна вернётся, она уже будет готова к этой новости. Она поплачет, но смирится. Смерть пса вдали от дома, в руках профессионалов, — это не так травматично, как смерть на руках у хозяйки, когда видишь его мучения. А две ночи в Мариинке отвлекут её. Она вернётся усталой, но наполненной впечатлениями. Впечатления — вот лучшее лекарство от горя.

В двенадцать часов дня он вышел на улицу. Ему нужно было в аптеку. В доме напротив, на первом этаже, располагалась маленькая частная аптека, где работала провизор Зоя Павловна, женщина пятидесяти лет, знавшая всех жильцов в лицо и историю их болезней лучше любого терапевта. Семён Аркадьевич вошёл, позвякав колокольчиком на двери.

— Семён Аркадьевич! — всплеснула руками Зоя Павловна. — Что-то вы к нам зачастили. Опять головные боли?

— Нет, голубушка. Мне нужен бетадин, йод и пара стерильных бинтов.

— Что-то случилось? — испугалась провизор.

— Небольшая ранка. Упал в подвале, — Семён Аркадьевич изобразил смущённую улыбку. — Старость не радость.

Он расплатился, взял пакет и вышел. Никакой ранки у него, конечно, не было. Бетадин и бинты понадобятся ему через три часа, когда он будет в гараже.

Вернувшись в дом, он столкнулся в холле с Лизой Гореловой. Девушка возвращалась с экзамена. В её глазах стояли слёзы.

— Ну что вы, Лиза? — мягко спросил он, хотя всё уже знал. Он видел по её лицу.

— Провалила, — прошептала она. — Они сказали, что я не явилась. Что меня нет в списках. Но я была! Я сдавала!

— Как же так, — покачал головой Семён Аркадьевич, и в его голосе было столько искреннего сочувствия, что Лиза, не выдержав, разрыдалась.

— Я готовилась ночами! Я не могла не прийти! Они перепутали что-то! Я подам апелляцию!

— Конечно, подадите. Пойдёмте ко мне, выпьете чаю с ромашкой, успокоитесь.

Он провёл её в свой кабинет, усадил в кресло, налил чаю. Лиза, всхлипывая, рассказывала об экзамене. Консьерж слушал молча, кивая. Он знал, что произошло на самом деле. В девять часов пятьдесят семь минут утра, когда Лиза уже сидела в аудитории и тянула билет, он, сидя в своём подвале, отправил электронное письмо с заранее подготовленного адреса на сервер университета. Письмо содержало вредоносную программу, которая удалила из списков экзаменуемых всех студентов, чьи фамилии начинались с букв «Го» до «Гр». Всего тринадцать человек. Через сорок минут он отправил второе письмо, на этот раз на личный ящик декана, с анонимного адреса, зарегистрированного на сервере в Панаме. В письме была ссылка на поддельную новость о масштабном сбое в системе. Декан, разумеется, отреагировал. К вечеру всем тринадцати студентам будет назначена пересдача на следующей неделе. Лиза получит шанс. Она сдаст. Она была способной девочкой. Ей просто нужен был ещё один шанс.

— Вот увидите, всё образуется, — сказал Семён Аркадьевич, протягивая ей бумажный платок. — Мир иногда ломается, но это не значит, что его нельзя починить.

Лиза ушла через полчаса, всё ещё подавленная, но уже не обречённая. Консьерж проводил её до лифта, пожелал доброго дня и вернулся к себе. Он посмотрел на своё отражение в тёмном стекле шкафа. Лицо было спокойно. Но внутри, где-то глубоко, шевельнулась знакомая, холодная змейка. Удовлетворение. Сегодня он снова был хирургом. Операция прошла успешно.

Остаток дня тянулся, как патока. Он пообедал ломтиком чёрного хлеба с сёмгой и стаканом крепкого чая. Принял отчёт у электрика. Поговорил с курьером, доставившим заказанные Анной Сергеевной книги. В шесть часов вечера в подъезд вошла Наталья Андреевна, жена банкира Мягкова. Она была в элегантном платье цвета бутылочного стекла, с дорогими укра-

шениями, но в её глазах Семён Аркадьевич прочитал пустоту. Он знал, что она знает. Или догадывается.

— Добрый вечер, Наталья Андреевна, — поздоровался он, на секунду задержав её у входа.

— Добрый.

— У вас усталый вид. Знаете, я заварил сегодня особый чай. С женишенем и мятой. Говорят, он возвращает жизненные силы. Не желаете ли? Всего минута.

Она остановилась, посмотрела на него удивлённо.

— Вы, Семён Аркадьевич, всегда знаете, когда человеку нужна передышка. Спасибо, но я спешу. У Милочки репетитор.

— Тогда позвольте дать вам с собой, — он скрылся в подвале и через минуту вернулся с небольшим бумажным пакетом. — Просто заварите щепотку. Вкус, быть может, покажется странным, но он прочищает мысли.

Она улыбнулась краем губ, взяла пакет и уехала на лифте. Семён Аркадьевич проводил её взглядом. Чай был не просто чаем. В смесь были добавлены сушёные травы, обладающие лёгким антидепрессивным эффектом. Ничего запрещённого. Просто зверобой, пустырник и немного мелиссы. Он даст ей немного сил. А вечером он отправит ей на электронную почту письмо от анонимного доброжелателя с вложением — двумя билетами в Театр имени Вахтангова на спектакль «Евгений Онегин» на следующие выходные. И припиской: «Вы заслуживаете выйти в свет. Ваша подруга». Наталья Андреевна пойдёт одна. Или с подругой. А на спектакле её будет ждать случайная встреча — известный в узких кругах художник, который, по мнению Семёна Аркадьевича, идеально подойдёт ей по темпераменту. Он не заставит её разводиться. Но он напомнит ей, что она всё ещё женщина.

Он снова посмотрел на мониторы. У подъезда стоял тот самый человек из серой «Ауди». Он разговаривал с Философом. Бомж, взволнованно жестикулируя, что-то объяснял ему. Незнакомец слушал, наклонив голову. Семён Аркадьевич нахмурился. Он не любил неизвестность.

В восемь часов вечера он вышел на улицу. Смеркалось. Воздух был тёплым, липким. Он обошёл дом по периметру, проверяя, как горит подсветка фасада. Затем направился к воротам, за которыми начинался внутренний двор с парковкой для жильцов. Его шаг был медленным, тяжёлым. Он дошёл до кованой калитки и остановился. В тени старого дуба, что рос в самом центре двора, кто-то стоял. Высокий силуэт. Человек курил, и огонёк сигареты на секунду осветил его лицо. Семён Аркадьевич успел разглядеть волевой подбородок, широкие скулы, глубоко посаженные глаза.

— Добрый вечер, — произнёс незнакомец, делая шаг вперёд. Голос у него был хриплый, словно простуженный.

— Добрый, — ответил Семён Аркадьевич, не меняя тона.

— Красивый дом, — продолжил мужчина, кивнув на здание. — Самый лучший в переулке. Говорят, у вас здесь тишь да гладь. Все довольны. Все счастливы.

— Дому повезло с жильцами.

— Или жильцам повезло с домом, — ухмыльнулся незнакомец. Он сделал ещё шаг. Теперь их разделяло всего несколько метров. Консьерж уловил запах табака и ещё чего-то, едва уловимого, сладковатого. Так пахнет старая, долго хранившаяся одежда.

— Я ищу одного человека, — сказал незнакомец, глядя прямо в глаза Семёну Аркадьевичу. — Пожилой мужчина. Говорят, он знает здесь всё обо всех. Настоящий, так сказать, консьерж-легенда.

— Вы, вероятно, ошиблись адресом. У нас обычный дом, обычный консьерж. Я — обычный старик.

— Старик, — незнакомец усмехнулся, но улыбка вышла кривой, неживой. — Обычный старик не просиживает ночами за мониторами, отслеживая чужие тайны. Обычный старик не пишет анонимки и не врывается в чужую жизнь, мня себя Господом Богом.

Семён Аркадьевич не шелохнулся. Только пальцы в перчатках чуть сильнее сжали набалдашник трости. Набалдашник был тяжёлым, отлитым из нефрита. Хороший инструмент.

— Кто вы? — спросил он ровно.

— Меня зовут Платон. Платон Верховцев. Я въезжаю в квартиру тридцать восемь на четвёртом этаже. Прямо над вами, если считать ваш подвал. Решил познакомиться с будущим, так сказать, соседом.

— Квартира тридцать восемь пустует уже два года.

— Теперь не пустует. Я купил её. Сегодня подписал документы. Завтра привезу вещи. Так что, привыкайте к новому лицу, Семён Аркадьевич. — Он сделал ударение на имени, словно пробуя его на вкус. — Кстати, о лице. У вас очень запоминающееся лицо. Я его ни с чем не перепутаю. Даже спустя тридцать лет.

В воздухе повисла пауза. Тишина была такой плотной, что Семён Аркадьевич услышал, как бьётся его собственное сердце. Ровно, размеренно. Как часы.

— Тридцать лет, — повторил он, растягивая слова. — Долгий срок.

— Достаточный, чтобы похоронить отца и навсегда запомнить лицо его убийцы.

Последнее слово упало, как нож. Консьерж не отвёл взгляда. В его глазах, цвета зимнего неба, не было ни страха, ни удивления. Только холодное, бесстрастное внимание. Так смотрит опытный следователь на подозреваемого, который только что сам выдал себя.

— Какое смелое заявление, молодой человек, — произнёс он, чуть наклонив голову. — Надеюсь, у вас есть доказательства.

— Доказательства появятся.

— Угрозы в адрес пожилого человека? Не лучший способ начинать соседство.

— Это не угроза, — Платон покачал головой. — Это обещание. Я затем и приехал сюда. Чтобы восстановить справедливость. Вы умный, Семён Аркадьевич. Вы должны понимать, что от прошлого не спрятаться, какими бы высокими стенами и хитрыми схемами вы его ни окружили.

Он бросил окурок на землю, растёр его носком ботинка и, не оборачиваясь, направился к подъезду. Семён Аркадьевич остался стоять во дворе. Он слышал, как открылась и закрылась тяжёлая дверь. Слышал, как утихли шаги в холле. Он посмотрел на небо. Над Москвой, разбавленное светом фонарей, оно было мутным, словно затянутая паутиной тёмная вода.

Он медленно вернулся в подвал. Сел в своё кресло. Снял перчатки, отложил трость. Его лицо было по-прежнему бесстрастно. Только в углу рта, почти незаметно, залегла глубокая складка. Он смотрел на мониторы. Камера над входом показывала пустой переулок. Философа уже не было. Мир за стенами дома жил своей жизнью.

Платон Верховцев. Квартира номер тридцать восемь. Сын убитого.

Семён Аркадьевич закрыл глаза. Он вспомнил. Вспомнил тот день. Тридцать лет назад. Другой город, другая жизнь, другое имя. Вспомнил чёрную воду канала, хриплый крик и тяжёлое, как мешок с песком, тело, уходящее на дно. Вспомнил чувство липкого, невыносимого облегчения. Он не жалел. Тогда он просто закрыл одну дверь, чтобы открыть другую. Чтобы стать тем, кем он стал. Хранителем.

Он открыл глаза и посмотрел на шахматную доску. Позиция Алехина — Капабланки. Белые на грани поражения. Но у них есть один ход. Всего один, неожиданный, разрушающий всё. Ход, который противник не может предвидеть.

Он встал, прошёл в спальню и открыл шкаф. Из тайника, за книгами, он достал стальную коробку. Внутри, на бархатной подкладке, лежал маленький, плоский, запечатанный в пластик предмет. Металлический. Острый.

Он не доставал его. Просто смотрел.

Перед ним стоял выбор. И он ещё не знал, какой ход сделает.

Но он знал точно: его идеальной экосистеме, его дому, его миру, который он строил и защищал тридцать лет, объявлена война. И он, Семён Аркадьевич Гольдин, консьерж и хранитель, должен решить, что для него важнее: правда, способная разрушить хрупкое счастье всех, кто ему доверяет, или ещё одна запертая дверь. Навсегда.

Колокол Сретенского монастыря пробил девять вечера. Звук был долгим и печальным. Семён Аркадьевич постоял с минуту, прислушиваясь. Затем закрыл стальную коробку, убрал её в тайник и вышел в кабинет. Нужно было проверить, как горит подсветка фасада. Ведь именно он, а не кто-то другой, отвечал за то, чтобы в этом доме всегда было светло.

На этой странице вы можете читать онлайн книгу - "Консьерж" - это первая глава большого романа. Полную версию книги вы можете прочитать онлайн, перейдя по ссылке в описании. Приятного чтения.

Глава 2. Квартира тридцать восемь

Сон не пришёл. Семён Аркадьевич лежал на своей узкой кровати, застеленной серым армейским одеялом, и смотрел в потолок. Потолок был сводчатым, с трещиной, тянувшейся от угла к центру, словно тонкая чёрная молния, застывшая в камне. Он знал эту трещину наизусть. Каждую ночь, перед тем как закрыть глаза, он мысленно проводил по ней пальцем. Это был его ритуал, его способ отключить сознание. Но сегодня трещина не помогала.

Перед его внутренним взором стояло лицо Платона Верховцева. Хриплый голос, слова, падающие, как удары топора. «У вас очень запоминающееся лицо. Я его ни с чем не перепутаю. Даже спустя тридцать лет».

Тридцать лет. Семён Аркадьевич медленно, глубоко вдохнул. Он редко позволял себе возвращаться в прошлое. Оно было похоже на запертую комнату, заставленную тяжёлой, пыльной мебелью. Открывать эту дверь значило вдыхать пыль, задышаться ею. Но сегодня дверь сама приоткрылась. И оттуда пахло холодом.

Он повернулся на бок. За окном, узким, почти под самым потолком, было темно. Только слабый свет фонаря просачивался сквозь решётку, отбрасывая на стену крест. Он лежал и вспоминал. Не человека, не имя, не лицо. Он вспоминал ощущение. Ледяная вода. Судорога, скрутившая пальцы. И тёмная, вязкая тишина, наступившая после.

Он не убивал хладнокровно. Это был порыв. Или, вернее, взрыв. Многолетнее напряжение, страх, унижение — всё слилось в одну секунду, в один удар. Подробности стёрлись, но суть осталась. Он выжил. Другой — нет. И с тех пор Семён Аркадьевич сделал выбор. Он не бежал от содеянного, а использовал его как фундамент. Он решил, что раз уж стал причиной одной смерти, то обязан подарить жизнь многим. Обязан стать тем, кто исправляет, а не ломает. Он стал консьержем не потому, что любил порядок. Он стал им, чтобы искупить. Своим собственным, никому не ведомым способом.

И вот теперь прошлое явилось. Стояло во дворе его дома, курило, ухмылялось и обещало разрушить всё. Сын. Как он выжил? Кто его воспитал? Что он знает наверняка, а о чём лишь догадывается? Эти вопросы, точно крысы, шуршали в темноте, не давая уснуть.

Семён Аркадьевич сел на кровати. Часы на стене показывали три часа семнадцать минут. Он встал, надел тапки, накинул халат поверх ночной рубашки и прошёл в кабинет. Там, в темноте, горели мониторы. Они всегда горели. Двадцать четыре часа в сутки. Консьерж не доверял слепым зонам.

Он сел за стол и уставился на экраны. На одном из них была видна лестничная клетка четвёртого этажа. Пусто. На другом — холл первого этажа. Тишина. На третьем — парковка. Пусто. Он взял журнал учёта, открыл его. Список жильцов. Фамилии, номера квартир, годы рождения. Квартира тридцать восемь — пусто. Но завтра, вернее, уже сегодня, она перестанет быть пустой. Нужно было внести изменения. Он взял перьевую ручку, макнул в чернильницу и аккуратным, почти каллиграфическим почерком вывел: «Верховцев Платон Петрович». Без года рождения. Без телефона. Просто имя. Оно казалось чужеродным, как пятно на чистом листе.

Он отложил ручку и снова посмотрел на мониторы. Мысль, холодная и цепкая, обвила сознание, как змея. Можно ли решить проблему радикально? Старый способ, проверенный. Один несчастный случай, одна трагическая ошибка. Дом умеет хранить тайны. Он сам его этому научил. Но... нет. Радикальный способ означал бы повторение. А это — крах всего, во что он верил. Значит, нужно искать иной выход. Тонкий. Хитрый. Такой, чтобы не запачкать рук. Такой, чтобы разрушить противника, не сломав при этом себя.

Он просидел так до рассвета. Когда за окном посерело, он встал, умылся ледяной водой, тщательно выбрился, причёсаясь. Надел свежую рубашку, туго затянул галстук, облачился в ливрею. Перчатки. Трость. Он снова был готов.

В шесть утра, как всегда, он вышел на улицу. Утро было хмурым. Низкие тучи висели над городом, цепляясь за шпили и крыши. Воздух был влажным, тяжёлым, пахло приближающейся грозой. Семён Аркадьевич встал у дверей, окинул переулок взглядом. Мусорный бак был опрокинут. Рядом, прямо на асфальте, спал Философ, подложив под голову пустую картонную коробку. Консьерж нахмурился.

— Вставай, — негромко произнёс он, подойдя к бомжу.

Философ зашевелился, открыл мутные глаза, сел. Его лицо, опухшее, с синими мешками под глазами, выражало крайнюю степень похмельного отчаяния.

— Семён Аркадьевич... — прохрипел он. — Простите... Я немного...

— Ты разговаривал вчера с незнакомцем. — Это был не вопрос, а утверждение.

Философ замер, моргая. В его взгляде мелькнул испуг.

— Я... Он просто спросил, как пройти.

— Он спрашивал обо мне.

— Не помню...

Семён Аркадьевич присел рядом с ним на корточки. Это было неожиданно и оттого пугающе. Он редко опускался до уровня собеседника.

— Ты помнишь, — произнёс консьерж тихо, но в его голосе был холод стали. — И ты расскажешь мне всё. Слово в слово. Если хочешь и дальше спать здесь, а не в обезьяннике или, не дай бог, в морге.

Философ задрожал. Он закивал, хватаясь за голову.

— Он подошёл вечером, — зашептал он. — Спросил, не знаю ли я консьержа из четырнадцатого дома. Я сказал, знаю. Спросил, что за человек. Я сказал, что вы строгий, но справедливый. Что вы тут главный. Что все вас уважают. Он усмехнулся и спросил, давно ли я вас знаю. Я сказал, лет десять. Тогда он дал мне пятьсот рублей и сказал: «Передай ему, что Платон вернулся». Но я не передал. Я побоялся.

— Почему?

— Потому что у него глаза... — Философ поёжился. — Как у человека, который уже всё решил.

Семён Аркадьевич выпрямился. Он знал такие глаза. Он сам их имел. Он достал из кармана бумажник, вынул купюру в тысячу рублей и положил на картонную коробку рядом с бомжем.

— Иди. Пропись. И больше ни с кем не разговаривай обо мне. Даже если предложат миллион.

Философ схватил деньги, пробормотал благодарности и, шатаясь, пошёл прочь. Консьерж проводил его взглядом. Что ж, ещё одна деталь встала на место. Платон Верховцев начал действовать. Собирает информацию. Ищет слабые места. Значит, и ему нужно искать. Копать. И чем глубже, тем лучше.

День начался с хлопот. В семь утра приехал грузчик с вещами нового жильца. Семён Аркадьевич встретил его у входа, проверил документы, заставил расписаться в журнале. Грузчик, молодой парень в синем комбинезоне, выгружал коробки одну за другой. Среди них были книжные, тяжёлые, перетянутые скотчем. Консьерж внимательно следил за процессом, стоя в тени колонны. Его взгляд цеплялся за каждую деталь. Коробки были подписаны маркером. «Книги. История права». «Документы. Личное». «Посуда». «Одежда. Зима». Всё это было скучно, обыденно. Но одна коробка, небольшая, без надписи, привлекла его внимание. Она была заклеена с особой тщательностью, несколькими слоями скотча, и, судя по тому, как грузчик её нёс, — тяжёлой.

— Осторожно, это ценное, — раздался сзади знакомый хриплый голос.

Семён Аркадьевич обернулся. Платон Верховцев стоял в нескольких шагах, одетый в тёмные джинсы и серую футболку. Выглядел он так, словно не спал вовсе, но в его глазах горел нехороший, лихорадочный огонь.

— Доброе утро, Семён Аркадьевич, — произнёс он, улыбнувшись той же кривой улыбкой. — Вот и мои пожитки. Надеюсь, не доставлю вам хлопот.

— Доброе утро, — сухо ответил консьерж. — Прошу соблюдать правила дома. Тишина с одиннадцати вечера до семи утра. Ремонтные работы — строго по будням с девяти до шести. Мусор выбрасывать в контейнеры, расположенные во дворе. Не оставлять личные вещи в местах общего пользования.

— Впечатляюще, — усмехнулся Платон. — Прямо устав гарнизонной службы. А как насчёт правила «не лезть в чужие жизни»? Оно у вас есть?

— Есть, — спокойно ответил Семён Аркадьевич. — И я настоятельно рекомендую вам его соблюдать.

Они посмотрели друг на друга. Взгляд консьержа был холоден, как лезвие. Взгляд Верховцева — насмешлив, но в глубине его тлело что-то тёмное.

— Я въезжаю, — сказал Платон. — Привыкайте.

Он прошёл мимо, задев консьержа плечом. Тот не пошевелился. Только пальцы, сжимавшие трость, побелели.

Остаток утра Семён Аркадьевич провёл за мониторами. Он наблюдал, как Платон обустраивается. Камера в лифте показывала, как он возит коробки, как вносит мебель. Камера на лестнице — как он разговаривает по телефону, стоя у окна. Губ не видно, но по жестам было понятно, что разговор напряжённый. Платон несколько раз провёл рукой по волосам, затем резко отключился и ударил кулаком по подоконнику. Вспыльчивый. Хорошо. Значит, им движут эмоции. А эмоции — это слабость.

В полдень Семён Аркадьевич взял свой старенький, но безупречно ухоженный «Москвич-412» цвета слоновой кости, припаркованный в гараже во дворе, и поехал в архив. Это было в районе Измайлово — старое здание с облупившейся краской и вечно запертой дверью. У него был там знакомый. Архивариус по имени Леонид Ефимович, сухонький старичок с трясущимися руками, который за скромное вознаграждение готов был предоставить доступ к любым документам.

— Семён Аркадьевич, батюшка! — всплеснул руками архивариус, увидев его на пороге. — Какими судьбами?

— Дело есть, Леонид Ефимович, — консьерж вошёл, снял перчатки. — Мне нужны сведения об одном человеке. Фамилия Верховцев. Платон Петрович. Примерно сорок — сорок пять лет. Родился, вероятно, в Ленинграде.

— Опять ваши расследования, — пробормотал архивариус, но в его голосе не было осуждения. Он получал от консьержа не только деньги, но и редкое чувство собственной значимости. — Проходите в читальный зал. Сейчас принесу.

Семён Аркадьевич сел за скрипучий стол, покрытый зелёным сукном, и стал ждать. В помещении пахло пылью и старой бумагой. Этот запах был ему знаком и даже приятен. Он напоминал о том, что у всего есть своя история. И что любую историю можно найти, если знаешь, где искать.

Через полчаса Леонид Ефимович принёс тонкую папку.

— Есть такое. Верховцев Платон Петрович, тысяча девятьсот семьдесят восьмого года рождения, город Ленинград. Отец — Верховцев Пётр Аркадьевич, тысяча девятьсот пятьдесят первого года рождения. Мать — Верховцева Марина Викторовна, тысяча девятьсот пятьдесят шестого года рождения. Отец... — архивариус замолчал, пробежав глазами по справке. — Отец умер в тысяча девятьсот девяносто третьем году. Утонул. Несчастный случай на воде.

Семён Аркадьевич взял папку. Его руки не дрожали. Он пробежал глазами по строкам. Всё было так, как он и предполагал. Пётр Верховцев. Да, теперь он вспомнил. Смуглый, жилистый человек с вечной сигаретой в зубах. Они столкнулись тогда на почве... нет, не важно. Важно другое. Теперь у этого человека есть сын. И этот сын живёт в его доме.

— А что с матерью? — спросил консьерж, не поднимая глаз.

— Умерла в две тысячи пятом. Рак.

— Братья, сёстры?

— Есть сводная сестра по матери. Проживает в Выборге. В девичестве — Соколова, в замужестве — Исакова. Вера Викторовна.

Семён Аркадьевич сделал пометку в блокноте. Сестра. Возможно, она знает больше, чем брат. Или наоборот, меньше.

— Спасибо, Леонид Ефимович. Вы очень помогли.

— Всегда пожалуйста, — улыбнулся архивариус, не сводя глаз с конверта, который Семён Аркадьевич небрежно положил на край стола.

Выйдя из архива, Семён Аркадьевич сел в машину и задумался. Итак, противник — не фантом. У него есть прошлое, семья, возможно, цели. Он приехал не случайно. Он готовился. Вопрос в том, насколько глубоко он копнул. Если он знает о том, что произошло тридцать лет назад, значит, у него есть какой-то источник. Или доказательства. Или просто подозрения и жажда мести. Нужно выяснить это. Нужно подобраться ближе. А для этого потребуется всё его искусство.

Он вернулся домой к пяти часам вечера. В холле было тихо. На вахте сидела его сменщица, Валентина Петровна, полная женщина с громким голосом, работавшая по выходным и иногда по будням, когда Семёну Аркадьевичу нужно было отлучиться. Она пила чай и смотрела сериал на маленьком экране. Заметив консьержа, она поспешно выключила телевизор.

— Ой, Семён Аркадьевич, а я уж думала, вы не придёте! — затараторила она. — Тут такое было! Этот новый, из тридцать восьмой, такой наглый! Пришёл, начал указывать, где ему что ставить! А ещё спрашивал, где вы. Я сказала, что вы по делам. Он так странно посмотрел...

— Валентина Петровна, успокойтесь. Не нужно ничего ему рассказывать.

— Да я ничего и не рассказывала! — всплеснула руками женщина. — Я вообще стараюсь с ним не разговаривать. У него глаза страшные. Как у волка.

Консьерж кивнул. Он знал эти глаза. Он уже видел их сегодня.

Поднявшись к себе, он первым делом проверил почту. На его личный ящик, который знали лишь избранные, пришло письмо от Анны Сергеевны. Она писала, что согласилась на поездку в Мариинский, но боится оставлять Гектора. Семён Аркадьевич сел за стол и сочинил ответ от имени «фонда». Он подробно описал, что пансион для животных оборудован по последнему слову, что за Гектором будет наблюдать личный ветеринар, что собаку будут выгуливать три раза в день в парке. Всё было ложью. Но ложью во спасение.

Вечером он снова вышел во двор. Ему нужно было проветрить голову. Гроза, собиравшаяся весь день, наконец-то разразилась. Первые тяжёлые капли упали на асфальт, оставляя тёмные кляксы. Потом небо расколосось, и хлынул ливень. Консьерж встал под козырьком подъезда и смотрел, как вода потоками стекает по водосточным трубам. В этом был свой ритм, своя музыка.

— Любите грозу? — раздался голос за спиной.

Он обернулся. Платон Верховцев стоял в дверях, придерживая рукой большой чёрный зонт.

— Люблю, — ответил Семён Аркадьевич. — Она очищает воздух.

— Очищает, — согласился Платон. — Но после неё всегда всплывает то, что было скрыто. Размывает могилы, знаете ли. Вымывает из земли старые секреты.

Он усмехнулся, раскрыл зонт и шагнул под дождь. Сделав несколько шагов, он обернулся.

— Кстати, у вас отличный подвал. Я слышал, там есть старинная печь. И очень толстые стены. В таких подвалах хорошо прятать то, что не должны найти.

Семён Аркадьевич промолчал. Он смотрел, как Платон уходит по переулку, и капли дождя, ударяясь о зонт, разлетались в стороны, словно не хотели к нему прикасаться. Странная мысль. Но в тот момент она показалась очень точной.

Он вернулся в свой кабинет, сел за стол и зажёл старую лампу с зелёным абажуром. Свет лёг на шахматную доску, на позицию Алехина — Капабланки. Он долго смотрел на фигуры. Затем, очень медленно, взял белого слона и передвинул его через всё поле.

Это был ход, которого противник не ожидал. Ход, который выглядел как ошибка, но на самом деле открывал дорогу к победе.

Он встал, подошёл к шкафу, открыл тайник. Стальная коробка была на месте. Он достал её, открыл. Внутри, на бархате, лежал предмет, который он не доставал уже много лет. Маленький, плоский, остро заточенный. Хирургический скальпель.

Он не собирался его использовать. Пока. Но сам факт того, что он был рядом, придавал сил. Он напоминал о том, что Семён Аркадьевич Гольдин — не просто старик в ливрее. Он — человек, который однажды уже смог переступить черту. И если понадобится, сможет снова.

Хотя... Нет. Он тряхнул головой, отгоняя наваждение. Всё должно быть иначе. Тоньше. Умнее. Война должна закончиться не смертью, а бегством. Или крахом противника. Его нужно сломать, но не уничтожить. Показать, что связываться с этим домом — ошибка.

Он убрал коробку, сел в кресло и закрыл глаза. За окном гремел гром. Дождь хлестал по стёклам. А где-то наверху, на четвёртом этаже, в квартире номер тридцать восемь, горел свет. И в этом свете, как ему казалось, сидел человек, который ненавидел его всей душой. Человек, приехавший разрушить его мир. Но Семён Аркадьевич знал, что разрушить этот мир не так просто. Дом — это не просто стены. Дом — это люди. А люди, которых он защищал, были частью его. И он был частью их. Даже если они этого не осознавали.

Он подошёл к мониторам. На экране, передававшем картинку с камеры на четвёртом этаже, было видно, как из тридцать восьмой квартиры выходит Платон. Он снова говорил по телефону. Потом он подошёл к лестничному окну и посмотрел вниз, прямо в объектив камеры. И улыбнулся. Семён Аркадьевич почувствовал, как по спине пробежал холодок. Не от страха. От азарта.

Игра началась. Фигуры расставлены. Впереди — долгая партия.

Он выключил свет и остался сидеть в темноте, слушая, как дождь стирает с улиц следы уходящего дня. Завтра будет новый день. И в нём нужно будет сделать следующий ход. Очень осторожный, очень точный.

На этой странице вы можете читать онлайн книгу - "Консьерж" - это вторая глава большого романа. Полную версию книги вы можете прочитать онлайн, перейдя по ссылке в описании. Приятного чтения. Он вздохнул и закрыл глаза. В ушах звучал шум дождя. Впереди был новый день. И новые ходы в этой бесконечной партии, где цена — не победа, а выживание. Выживание его мира, его дома, его правды. Он сжал пальцы в кулак, чувствуя прохладный нефрит набалдашника. Его время ещё не пришло. Но оно обязательно придёт.

Дождь прекратился к семи утра, оставив на асфальте зеркальные лужи, в которых отражалось бледное, выпцветшее небо. Семён Аркадьевич вышел из подвала в своём обычном облачении — тёмно-серая ливрея, белоснежная рубашка, галстук, перчатки, трость. Он был собран, подтянут, но внутри него, как натянутая струна, вибрировала тревога. Ночной инцидент с замком гаража не шёл из головы. Платон не просто проявлял агрессию — он перешёл к активным действиям. Попытка вскрыть гараж, где стоял автомобиль консьержа, говорила о многом. Возможно, он искал улики. Или хотел подбросить что-то. Или просто проверял реакцию. В любом случае, это было объявлением войны без правил.

Первым делом Семён Аркадьевич направился к гаражу. Он обошёл здание с тыльной стороны, стараясь ступать по сухому, чтобы не оставлять следов. У массивной металлической двери, покрашенной в тёмно-зелёный цвет, он остановился. Замок выглядел нетронутым, но опытный глаз заметил бы лёгкие царапины вокруг замочной скважины — следы отмычки или другого инструмента. Консьерж наклонился, провёл пальцем по металлу. Царапины были свежими. Значит, Платон действительно пытался проникнуть внутрь. Но не сумел. Это давало время, но не гарантировало безопасности.

Он открыл дверь своим ключом, вошёл внутрь. В гараже пахло машинным маслом, бензином и сыростью. Его «Москвич» стоял на месте, укрытый чехлом из плотной ткани. Семён Аркадьевич подошёл к машине, проверил капот, багажник, заглянул под днище. Всё было на месте. Он выдохнул. Платон, вероятно, просто проверял, что хранится в гараже. Или искал какой-то компромат. Что ж, он ничего не нашёл.

Семён Аркадьевич решил, что гараж нужно укрепить. Он достал из ящика с инструментами новый, более сложный навесной замок с секретным механизмом, который держал на всякий случай, и заменил старый. Затем он внимательно осмотрел стены и потолок на предмет возможных точек проникновения. Вентиляционная решётка под потолком была надёжно закреплена. Окно, выходящее в переулок, забрано решёткой. Всё было в порядке. Но он знал, что покой обманчив.

Вернувшись в дом, он столкнулся в холле с Валентиной Петровной. Она как раз заступала на смену — сегодня был её день, потому что Семён Аркадьевич планировал отъехать по делам. Женщина выглядела встревоженной, теребила платок в руках.

— Семён Аркадьевич, вы слышали? — зашептала она, подойдя ближе. — Ночью кто-то лазил по двору. Я сама видела из окна! Тень какая-то мелькала у гаражей. Я чуть со страху не померла.

— Не переживайте, Валентина Петровна, — спокойно ответил консьерж. — Я всё проверил. Ничего страшного. Наверное, кошка или собака. Но на всякий случай, будьте внимательны. Если увидите что-то подозрительное, сразу звоните мне. И не выходите ночью из подъезда.

— Да я и не выхожу! — она перекрестилась. — А этот новенький... он сегодня ночью уезжал. Я слышала, как машина заводилась. И вернулся только под утро. Что ему не спится?

Семён Аркадьевич ничего не ответил. Он знал, что Платон уезжал, но то, что Валентина Петровна это заметила, было полезно. Значит, он не так осторожен, как хочет казаться. Или ему всё равно. Возможно, он хочет, чтобы за ним наблюдали. Игра на нервах.

— Вот что, Валентина Петровна, — произнёс консьерж, понизив голос. — Если этот гражданин будет пытаться с вами разговаривать, расспрашивать о жильцах или обо мне, не вступайте в беседу. Ссылайтесь на занятость. Но запоминайте каждое слово. Поняли?

— Поняла, Семён Аркадьевич, как не понять! — закивала она. — Уж я-то не промах. Я этого хлыща насквозь вижу. Глаз у него недобрый.

— Вот и хорошо. Идите, занимайтесь своими делами.

Валентина Петровна ушла, а консьерж поднялся к себе. Ему нужно было позвонить детективу. Время шло, а информация о сестре Верховцева ещё не поступила. Он достал мобильный телефон, набрал номер. На этот раз гудки были короче.

— Викентий Брониславович, это Гольдин. Есть новости?

— Есть кое-что, — раздался глуховатый голос. — Но немного. Вера Викторовна Исакова, сорок шесть лет. Живёт в Выборге, на окраине. Работает библиотекарем в районной библиотеке. Замужем, детей нет. Муж — инженер на заводе. Скромный достаток. Характер, по отзывам, замкнутый, нелюдимый. С братом почти не общается. Последний раз виделись несколько лет назад, когда она приезжала в Москву.

— Почему приезжала?

— Точно неизвестно. Похоже, на лечение. У неё проблемы с сердцем.

— Какие именно?

— Диагноз не установлен, но, по косвенным данным, — ишемия. Она стоит на учёте в кардиологическом центре. Брат ей помогает деньгами, но нерегулярно. В общем, женщина тихая, болезненная.

Семён Аркадьевич задумался. Тихая, болезненная, нелюдимая. Вряд ли она представляет угрозу. Но она может быть источником информации. Если Платон поддерживает с ней связь, то через неё можно выйти на его планы. Или наоборот — использовать её как слабое место. Не для шантажа, нет. Для понимания.

— Мне нужны подробности. Адрес, место работы, распорядок дня. И любые сведения о её контактах с Верховцевым Платоном за последние полгода. Сможете?

— Смогу. Но это займёт время. Дня четыре.

— Пусть будет четыре. Но не больше. И ещё: проверьте, не брал ли Верховцев в последнее время крупные суммы в долг, не оформлял ли кредиты. Меня интересует его финансовое положение.

— Принято. Аванс?

— Курьер привезёт завтра.

Он отключился. Деньги он снова передаст через Зою Павловну. Или через другого посредника. У него были проверенные каналы.

Остаток дня прошёл в рутине. Семён Аркадьевич принял отчёт у сантехника, который чинил трубу в подвале, переговорил с электриком, проверил счётчики. Всё это помогало ему сохранять ясность мысли. Он любил порядок, а работа руками, пусть даже мелкими делами, упорядочивала хаос внутри.

Около шести вечера, когда он сидел за столом и переписывал показания, в дверь постучали. Стук был негромкий, но настойчивый. Семён Аркадьевич поднял голову. Он не ждал гостей.

— Войдите, — произнёс он.

Дверь открылась, и в кабинет вошла Наталья Андреевна. Вид у неё был смущённый, но решительный. В руках она держала небольшой свёрток.

— Простите за вторжение, Семён Аркадьевич, — сказала она, прикрывая за собой дверь. — Я на минутку.

— Прошу, — консьерж встал, указал на стул. — Присаживайтесь.

Она села на краешек, положив свёрток на колени. Некоторое время молчала, словно собираясь с мыслями.

— Я хотела вас поблагодарить, — наконец произнесла она, подняв глаза. — За тот чай. И за... — она запнулась. — Вы всегда так внимательны ко всем. Это редкость в наше время.

Семён Аркадьевич смотрел на неё спокойно, без удивления. Он знал, что однажды она придёт. Знал, что тот анонимный подарок — билеты в театр — не останется незамеченным. Женщина не глупа, она могла догадаться.

— Внимательность — часть моей работы, — ответил он нейтрально.

— Нет, — она покачала головой. — Это больше, чем работа. Вы... вы как будто видите то, чего не видят другие. Знаете, о чём люди молчат. И не осуждаете. Вы помогаете. Даже когда вас не просят.

Она протянула ему свёрток.

— Это вам. От нашей семьи. Просто знак благодарности. Откройте.

Семён Аркадьевич взял свёрток. Бумага была плотной, дорогой. Внутри оказалась бутылка хорошего коньяка и маленькая картонная коробочка. В ней — изящная перьевая ручка с золотым пером.

— Это от Константина? — спросил он.

— Нет, — она улыбнулась грустно. — Это от меня и Милочки. Константин... он занят. Вы же знаете.

Консьерж кивнул. Он знал. Знал, что Мягков почти не бывает дома, что Наталья Андреевна одинока, что девочка тянется к отцу, но получает лишь редкие, скупые знаки внимания. Он поставил подарки на стол.

— Благодарю. Это очень щедро. Но не стоило.

— Стоило, — она поднялась. — И ещё... Семён Аркадьевич, я хочу спросить. Вы ведь знаете о моём муже? О том, что он... что у него кто-то есть.

Вопрос повис в воздухе. В комнате стало тихо, слышно было лишь далёкий шум лифта.

— Я знаю, что у каждого человека есть свои тайны, — ответил консьерж, не отводя взгляда. — И я не вправе вмешиваться в вашу семейную жизнь. Но я всегда на стороне тех, кому больно.

Наталья Андреевна опустила глаза. В её лице промелькнула тень.

— Я не знаю, что делать, — прошептала она. — У нас дочь. И я всё ещё... я всё ещё его люблю. Или думаю, что люблю. Но он так далеко. Он даже не замечает, как я стараюсь.

Семён Аркадьевич молчал. Он не был психологом, но он был наблюдателем. И он знал, что сейчас ей не нужны советы. Ей нужно было выговориться.

— Позвольте дать вам один совет, — произнёс он наконец. — Не пытайтесь удержать того, кто уходит. Вместо этого вспомните, кто вы есть без него. Сходите в театр. Подышите воздухом. Позвольте себе почувствовать себя женщиной, а не только женой и матерью. И тогда вы поймёте, чего хотите на самом деле.

Она подняла на него удивлённый взгляд. В её глазах блеснули слёзы.

— Вы правы, — тихо сказала она. — Вы всегда правы. Спасибо вам.

Она вышла, а Семён Аркадьевич ещё долго сидел в кресле, глядя на подарки. Коньяк он уберёт в шкаф, а ручку, возможно, использует. Она была красивой. И напоминала ему о том, что даже в самые тёмные времена люди способны на благодарность.

Наступил вечер. Стемнело рано — тучи снова затянули небо. Консьерж стоял у окна в кабинете и смотрел на улицу. Платон не появлялся. Его серая «Ауди» стояла у ворот, но самого хозяина не было видно. Семён Аркадьевич знал, что тот, вероятно, дома, наблюдает, ждёт. Или готовится к новому шагу.

Он решил, что пора действовать. Сегодня ночью, когда дом уснёт, он попробует установить прослушку в вентиляционную шахту, ведущую в квартиру тридцать восемь. Это был риск, но риск оправданный. У него был план. Он знал, что в квартире есть вентиляционное отверстие в кухне, соединённое с общим каналом, выходящим на технический этаж. Доступ к этому каналу был через люк на чердаке. Нужно было лишь подняться туда незаметно.

Он дождался полуночи. Дом затих, лишь где-то наверху капала вода из крана — старые трубы всегда давали о себе знать. Семён Аркадьевич надел тёмную куртку, взял фонарик с красным светом, чтобы не демаскировать себя, и маленькую сумку с инструментами. В сумке лежал диктофон с выносным микрофоном, моток тонкой проволоки и изолянта.

Он вышел из подвала, поднялся по чёрной лестнице на пятый этаж, оттуда — на техническую площадку. Люк на чердак был закрыт, но у него был ключ. Открыв его, он проскользнул внутрь. Чердак встретил его запахом пыли, голубиного помёта и старого дерева. Он двигался медленно, ступая по балкам, стараясь не шуметь. Вентиляционные короба тянулись вдоль стен, как металлические змеи. Он знал их расположение наизусть.

Через двадцать минут он добрался до шахты, ведущей в квартиру тридцать восемь. Присел, прислушался. Снизу не доносилось ни звука. Он вытащил из сумки диктофон, закрепил микрофон на конце гибкого прута и осторожно опустил его в шахту. Прут медленно скользнул вниз, пока не упёрся в решётку. Семён Аркадьевич зафиксировал его, закрепил изолянт к стенке короба. Теперь микрофон был в нескольких сантиметрах от вентиляционного отвер-

ствия на кухне Платона. Диктофон он прикрепил тут же, на чердаке, спрятав за старым коробом. Проверил уровень сигнала — всё работало.

Он так же бесшумно спустился вниз, закрыл люк, вернулся в подвал. Сел в кресло, выдохнул. Сердце билось чуть чаще обычного, но руки не дрожали. Он достал из кармана маленький наушник, вставил в ухо. Тишина. Только лёгкое шипение — шум воздуха в вентиляции. Он улыбнулся краем губ. Теперь у него есть уши в квартире врага.

Он оставил наушник на столе, включил запись на диктофоне через пульт и прикрыл глаза. Завтра он прослушает, что происходит в тридцать восьмой. А пока нужно было отдохнуть. Хотя бы немного.

Но сон не шёл. Слишком много мыслей. Он встал, подошёл к шахматной доске, посмотрел на позицию. Партия продолжалась. Он сделал ещё один ход в уме. Затем сел в кресло, накинул плед и стал ждать рассвета. Где-то наверху, за стеной, в вентиляционной шахте, тихо жужжал диктофон, впитывая звуки чужой жизни. И это давало ему странное, почти забытое чувство контроля.

На этой странице вы можете читать онлайн книгу - "Консьерж" - это вторая глава большого романа. Полную версию книги вы можете прочитать онлайн, перейдя по ссылке в описании. Приятного чтения.

Глава 3. Голос в вентиляции

Первый час записи не дал ничего. Семён Аркадьевич сидел в своём кресле, закрыв глаза, и слушал. В наушнике было тихо — лишь изредка доносились глухие, неразборчивые шорохи, скрип половиц, отдалённый гул водопроводных труб. Дом жил своей скрытой жизнью, и эта жизнь была похожа на дыхание спящего зверя. Консьерж знал каждый звук: вот так постанывает стояк на четвёртом этаже, когда кто-то спускает воду; вот так гудит лифтовая шахта, когда кабина проходит между этажами; вот так шуршит ветер в чердачных перекрытиях. Но всё это был фон, шум, лишённый смысла. Он ждал главного — голоса.

Время тянулось, как смола. На какое-то мгновение ему показалось, что он задремал, но это было не так. Его сознание оставалось натянутым, как леска, готовая уловить малейший сигнал. И наконец, около трёх часов ночи, в наушнике что-то изменилось. Раздался щелчок. Потом — шаги. Быстрые, нервные, туда-сюда по комнате. Затем — стук, словно что-то поставили на стол. И голос.

— Нет. Я не могу больше ждать.

Голос был хриплый, приглушённый, но узнаваемый. Платон. Он говорил сам с собой? Или с кем-то по телефону? Семён Аркадьевич напрягся, подался вперёд, сжал подлокотники кресла.

— Ты же сам говорил, что нужно время, — произнёс Платон после короткой паузы. Значит, он всё-таки разговаривал по телефону, но собеседника было не слышно, только его самого. — Сколько ещё ждать? Он уже знает, что я здесь. Он подсунул мне записку. Угрожает. Старый лис.

Снова пауза. В тишине было слышно, как Платон ходит по комнате, как скрипит под его ногами старый паркет.

— Нет, он не догадывается, — продолжал он. — Пока. Но он не дурак. Он вычислит. И тогда всё, конец. Мы не сможем его прижать.

Семён Аркадьевич затаил дыхание. Мы. Значит, у Платона есть сообщник. Или сообщники. Это меняло дело. Нужно было срочно выяснить, кто на той стороне провода.

— Слушай, — Платон снова заговорил, и в его голосе появились металлические нотки. — Я не знаю, сколько ещё смогу сдерживаться. Каждый раз, когда я вижу его лицо, мне хочется... Ладно, не буду. Но я не могу сидеть сложа руки. Он живёт здесь, как паук, и тянет нити. Все эти люди вокруг — они его марионетки. Они даже не понимают, что он с ними делает.

Пауза. Затем, после короткого молчания:

— Да, я смотрел. Гараж. Ничего. Обычная машина, старый хлам. Но есть подвал. Он там живёт. Может быть, хранит что-то. Нужно попасть внутрь.

Семён Аркадьевич почувствовал, как по спине пробежал холод. Платон планирует проникнуть в его подвал. В его личное пространство. В его святая святых. Этого нельзя было допустить. Иначе всё, что он строил годами, окажется под угрозой.

— Нет, он всегда там, — сказал Платон, словно отвечая на вопрос. — Из дома выходит редко. Если и выходит, то ненадолго. Нужно выбрать момент. Или... есть другой способ. Можно надавить на кого-то из жильцов. Найти слабое звено.

Консьерж нахмурился. Слабое звено. Платон намеревается использовать его людей против него самого. Это было подло, но эффективно. В доме действительно были те, кто мог не устоять перед давлением. Например, Лиза Горелова, слишком ранимая и доверчивая. Или Валентина Петровна, болтливая и пугливая. Или Философ, которого можно купить за бутылку.

— Я понял, — произнёс Платон. — Да, я найду. Я позвоню. Всё, отбой.

Щелчок. Тишина. Потом — снова шаги, скрип дивана, глухой стук, словно он бросил телефон на стол. Семён Аркадьевич ещё несколько минут слушал, но из квартиры больше не доносилось ни звука. Лишь вентиляция шуршала, как сухая трава.

Он снял наушник, откинулся на спинку кресла. В висках стучало. И так, у Платона есть сообщник. Или, по крайней мере, он с кем-то советуется. Кто это может быть? Родственник? Знакомый? Наёмник? Нужно было выяснить. Но как? Запись разговора не давала ответа, потому что слышна была только одна сторона. Оставалось ждать, когда Платон снова позвонит, и попытаться уловить детали, которые помогут вычислить собеседника. Интонация, паузы, обрывки фраз. Всё это было важно.

Он поднялся, налил себе холодного чая, сделал глоток. Вкус был терпким, горьковатым. Он никогда не добавлял сахар. Затем он прошёл к столу, открыл блокнот и записал: «Сообщник. Вероятно, мужчина. Советует ждать. Настаивает на осторожности. Знает о планах. Неизвестно, как близко». Затем он приписал: «Слабое звено — Лиза Горелова. Валентина Петровна. Философ. Усилить контроль».

Он захлопнул блокнот, убрал в ящик стола. Усилить контроль. Легко сказать. Нужно было действовать. В первую очередь — защитить тех, кто мог пострадать. Лизу он уже видел утром, она была в порядке. Но надо поговорить с ней, предупредить об осторожности. Валентина Петровна сегодня на смене, с ней можно поговорить вечером. А Философ... этот бомж — отдельная история. Его нужно либо нейтрализовать, либо использовать. Второе — надёжнее.

Дождавшись рассвета, Семён Аркадьевич вышел на улицу. Утро было пасмурным, но дождь прекратился. Он вдохнул сырой воздух, прошёл к мусорным бакам. Философ сидел там, на корточках, обхватив колени руками. Его лицо было серым, небритым, но в глазах, уставленных на консьержа, был страх.

— Ты всё ещё здесь, — произнёс Семён Аркадьевич, остановившись в двух шагах.

— Мне некуда идти, — прохрипел бомж.

— Идти всегда есть куда, если есть цель. Но ты выбрал сидеть здесь, у моего дома. Значит, тебе есть, что терять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.